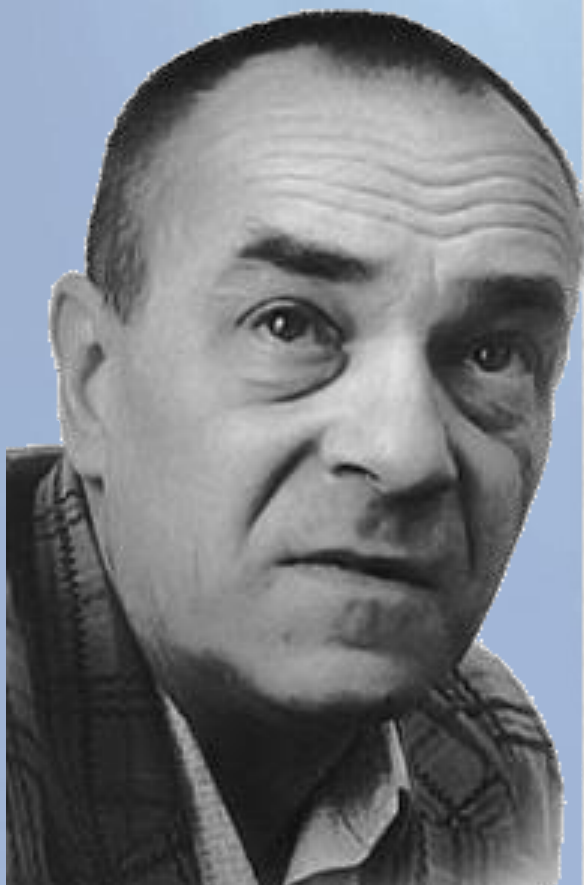

«Я - попросту русский человек, которому волею судьбы дана страсть всепоглощающая к русской истории. Вот об этом я и пишу всю свою жизнь...»

ВАЛЕНТИН ПИКУЛЬ

1928 - 1990

**90 ЛЕТ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ**

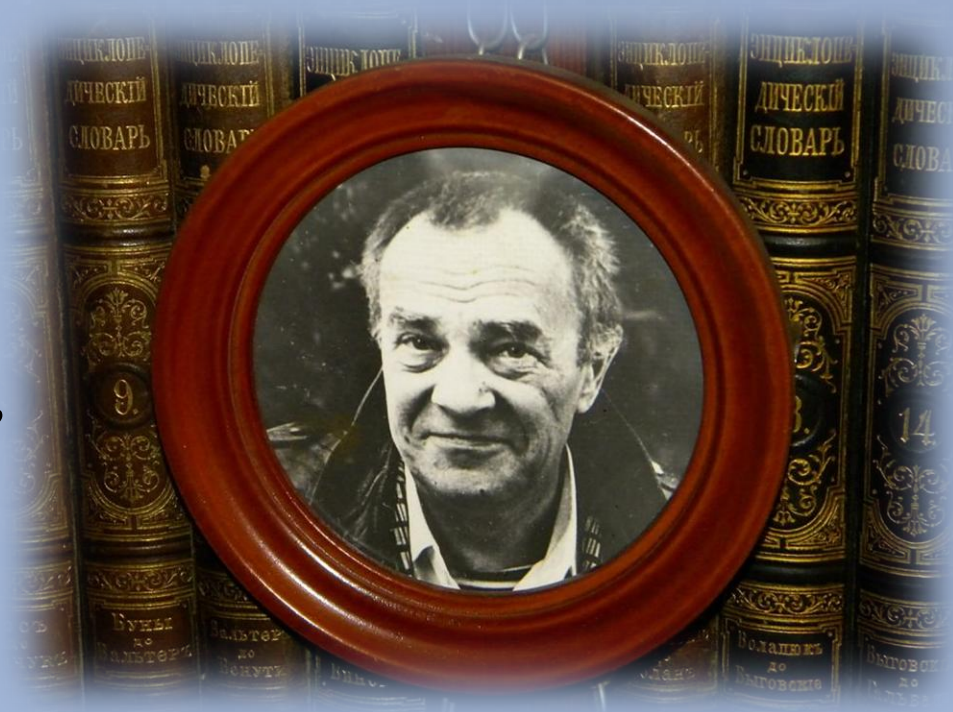
«История — это гвоздь, на который я вешаю свою картину.»

Александр Дюма (отец)

В своё время Пикуля действительно называли «русским Дюма», и это очень точная характеристика.

Его историческое повествование было авторским взглядом на эпоху, который совсем не претендовал на абсолютную объективность. Но писательский гений оказался сильнее исторической правды. Магия произведений Пикуля заставляла и заставляет многих поверить в то, что всё рассказанное им — правда от начала и до конца. У множества людей после книг Пикуля проснулся интерес к отечественной истории, ведь их писал талантливый неординарный человек интересной судьбы.

«Меня часто спрашивают, счастлив ли я? Всегда твёрдо отвечаю: «Да, счастлив!» Я обрёл любимое дело, ставшее самой моей жизнью. Но предложи мне заново строить судьбу? Возможно, я не пошёл бы в литературу. Слишком тяжкий крест, чересчур велика ответственность, что давит на писательские плечи.»

«Я обрёл самостоятельность в тринадцать лет, когда на крышу моего дома в Ленинграде посыпались первые немецкие зажигалки, которые я тушил, дежуря на чердаке. В четырнадцать лет, держа в руках посиневшую от стужи винтовку, я дал воинскую присягу. В пятнадцать начал воевать, как все взрослые люди. В шестнадцать стал командиром боевого поста, в семнадцать уже начал писать свой первый роман».

Его судьба действительно поистине уникальна. Он стал писателем, не имея не то что высшего литературного, но даже обычного среднего образования!

Родился Валентин Пикуль 13 июля 1928 года в Ленинграде. Мать Пикуля, Мария Константиновна Каренина была родом из псковских крестьян.

Его отец Савва Михайлович был призван на Балтийский флот из украинского села Кагарлык.

После службы он окончил институт, и в 1940 г. семья Пикулей из Ленинграда переехала в Молотовск (Северодвинск), где Савва Михайлович работал на судостроительном заводе.

В детстве Валентин постоянно слышал разговоры о море и кораблях. Он занимался в кружке «Юный моряк» при Доме пионеров. В 1941 г. Валя закончил пятый класс. Впереди была радостная пора – каникулы у бабушки в Ленинграде. Но началась война.

Тринадцатилетний мальчишка остался в осаждённом городе и разделил судьбу жителей блокадного Ленинграда. Голодал, тушил зажигалки, видел разрушенные бомбёжкой дома и смерть людей.

Весной 1942 года Валентин с мамой эвакуировались по Дороге жизни в Архангельск к отцу – батальонному комиссару Беломорской военной флотилии.

В день своего 14-летия Валя Пикуль увидел строй ребят, идущих по набережной Северной Двины в сопровождении матросов. Это были будущие юнги. Писатель вспоминал: «13 июля 1942 г. мне исполнилось 14 лет... День своего четырнадцатилетия я отметил поступком, в котором никогда не раскаивался: я отпраздновал свой день рождения тем, что убежал из родительского дома... И вернулся только через три года, бренча медалями, разметая пыль широкими клешами, заломив на затылок бескозырку ».

Валентин Пикуль оказался в школе юнг на Соловках.

«Школа юнг. Острова Соловецкие.

Беломорские ночи и дни.

В них остались мечты наши детские,

В них развеялись сладкие сны.

А потом - корабельные будни

И свинцовые ветры в лицо.

Занимали места у орудий

И сменяли погибших отцов...»

Он окончил учебу в 1943 году – вскоре после того, как отец его погиб под Сталинградом. Валентин получил специальность рулевого-сигнальщика и был направлен на военный эсминец «Грозный». На «Грозном» Валентин Пикуль прослужил до конца войны, а после победы был направлен для продолжения учебы в Ленинградское Военно-морское училище. Откуда его вскоре отчислили за неуспеваемость.

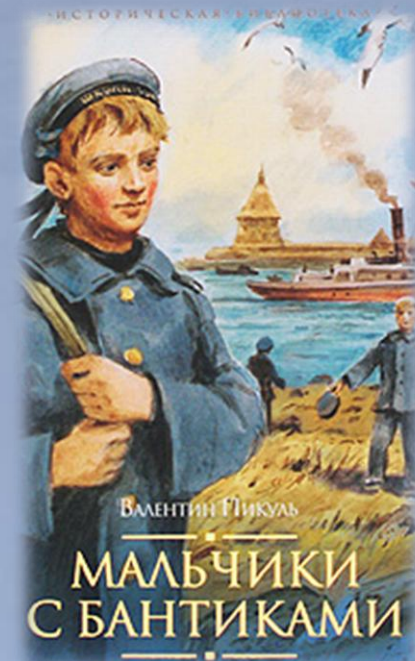
После демобилизации он работал начальником отдела в водолазном отряде, потом в пожарной части.

А всё свободное время он проводил в ленинградских библиотеках.

«Иной раз – в мирной тишине квартиры – я спрашиваю себя: – Была ли юность? Или приснилась она, как сон?..

Юность, конечно, была. И, по-моему, такая, как надо! Кончилась она в тот день, когда я последний раз выбрался по трапу из своего БП-II БЧ-I эскадренного миноносца «Грозный».

На память об этой юности остались две ленты – одна с именем эсминца, а другая – юнговская... Со смешным бантиком!»

Мальчишки из Школы юнг с Соловецких островов...

Их юность пришлась на "сороковые роковые" - годы Великой Отечественной войны. Многие из них прямо со школьной скамьи ступили на палубы боевых кораблей, - а мечтали об этом все. Они связали свою судьбу с морем еще в том возрасте, когда их сверстники только-только подумывают о выборе будущей профессии. Какими они были? Как жили? Как сбылись их надежды?

Юнгам с Соловецких островов посвящена знаменитая, увлекательная повесть Валентина Пикуля, во многом носящая автобиографический характер.

«Меня учила сама жизнь. Первыми «университетами» стали блокада и война. И на всю оставшуюся жизнь я остался вечным учеником-самоучкой.

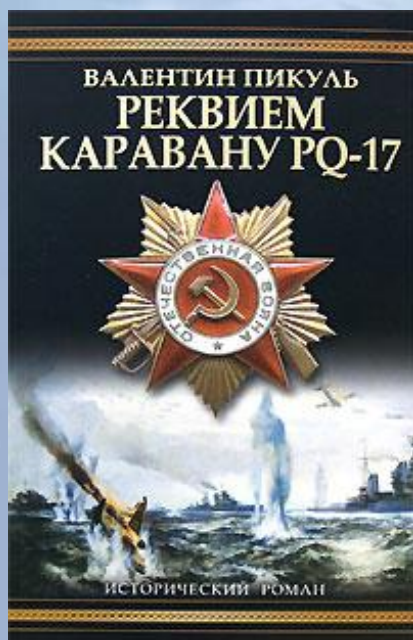
Этот путь трудный, но не лишен определенных достоинств, этот путь трудоемкий, но зато неизбежно приводит к собственным открытиям, а открытия для писателя – это уже толчок к раздумьям и будущим книгам...»

«Я – самоучка, а посему сам избирал темы для изучения, никто надо мной с палкой не стоял и, что самое главное, я не забивал голову всяческой ерундой, которая входит в обязательную программу обучения. По этой причине я сберег массу времени, изучая только то, что мне нужно для работы. Мало того, самоучка, я изучал что-либо с любовью, по своему хотению-велению, а не по школьной программе.»

Первый роман Пикуля «Океанский патруль» вышел в 1954 году. Он имел большой успех, и Пикуль был за него принят в Союз писателей СССР.

Однако сам автор позже говорил, что этот роман - пример того, как не надо писать романы.

«По ночам в Атлантике, этой извечной колыбели флотов всего мира, жутко становилось иногда человеку...

Ты встречал мертвецов с пропавших кораблей, и волна несла их на своем ликующем гребне, а мертвецы не тонули, раздутые, как и бушлаты на них, насыщенные капкой и воздухом.

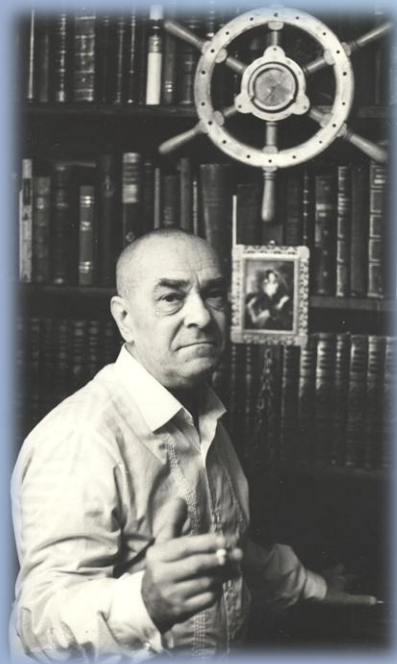
Ты слышал, как во мраке вдруг начинали работать дизеля, питая током опустошенные за день батареи подлодки, а вот и она сама – низкая длинная тень с бульбой рубки, которую заплескивает море.

Ты невольно вбирал голову в плечи, когда из ночных туч, с воем поглощая пространство, падала тяжелая «каталина» на двух звенящих моторах, из фюзеляжа ее рушилось что-то похожее на бочку – это еще одна мина прибавилась в океане.

И чаще всего погибал человек в Атлантике самой худшей из всех смертей, которая зовется безвестной. Это не та общедоступная смерть, когда тебя подберут, накроют шинелью и уложат в братскую могилу. У этой смерти нет даже могилы...»

«История неотделима от воспитания чувства национальной гордости... Летом сорок первого мы выстояли еще и и потому, что нам в удел достался дух наших предков, закаленных в прошлых испытаниях... История – повсюду, история – рядом с нами. Будь только внимательным, слушай голос времени...»

«На протяжении нескольких лет после выхода первой книги я очень много читал, всячески развивал себя и искал тему. Искал!»

Толчком стала книга Сергея Смирнова о защитниках Брестской крепости, где окруженные, потерявшие управления подразделения продолжали удерживать рубежи, хотя не было еще приказа № 227 – «Ни шагу назад!» и не стояли за спинами заградотряды...

Не об этом ли вспомнил писатель, когда, пробираясь в глухой черноте позабытых времен, наткнулся он на развалины крепости Баязет, заслонившей путь турецкой армии во время войны 1877 – 1878 годов?..

«И тут словно осенило: да ведь герои Бреста повторили подвиг дедов и прадедов, оборонявших Баязет...»

Всю жизнь Пикуль считал самым трудным – найти первую фразу, которая сразу захватила бы внимание читателя. И вот эта фраза была найдена: «Офицера трясла лихорадка. Трясла не вовремя – на службе, на кордоне...» С этой фразы начался не только роман «Баязет».

Исторические романы стали его настоящим призванием.

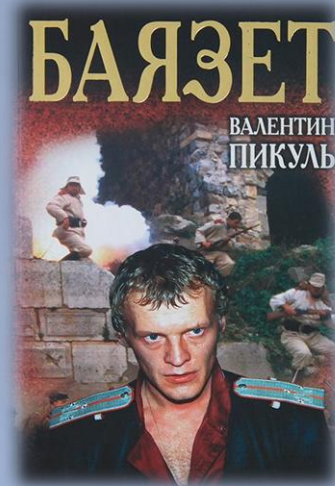
«По всем расчетам турок, Баязет должен бы уже пасть и, открыв ворота, дать выход мусульманскому гневу. Фаик-паше не терпелось рвануться за Чингильский перевал, чтобы устремить конницу на север, вытоптав плодородные земли Армении и Грузии. Поскорей бы влететь в тесные ущелья Чечни и поднять над скалами зеленое знамя пророка! Аманатами и веревками, проповедями и налогами опутать, связать по рукам и ногам, чтобы власть нового имама воссияла в венце могущества и славы.

А дело только за малым – за Баязетом...

– Что Баязет? – спрашивал каждое утро Кази-Магома.

– В безумии неверных, – отвечали ему.»

«Более трех недель, почти целый месяц, день за днем, час за часом – под пулями и саблями, в поту и крови, умирая от жажды в араратском пекле, держались только на одном: выстоять... И выстояли».

В начале 1960-х Пикуль переехал в Ригу, где и прожил до самой смерти.

«Я мечтал о встрече с Ригой, много читал о ней, но плохо представлял, какой она предстанет перед моими глазами...

Своя судьба, непохожая на другие, выпала средневековой Риге. Сколько войн, штурмов, наводнений, пожаров выдержал этот город. Теперь в этом городе мне предстояло жить и работать»...

В.И. Ружо «Старая Рига»

В середине 1960-х годов писатель начал создавать свой уникальный исторический архив. Чтобы как-то упорядочить почерпнутую из книг информацию, он на каждого исторического деятеля заводил собственную карточку, в которой отмечал основные вехи

его жизни, а также перечислял источники, где об этом человеке можно было почитать подробнее. Пикуль не начинал писать до тех пор, пока не узнавал о своих персонажах все.

Сорок лет собирал писатель русские портреты. Это более 25 тысяч изображений! Портретами писатель пользовался для описания платьев, костюмов, оружия. Изучая портрет, писатель проникался настроением эпохи, чувствовал колорит времени.

«Я не могу писать о человеке, не посмотрев ему в лицо».

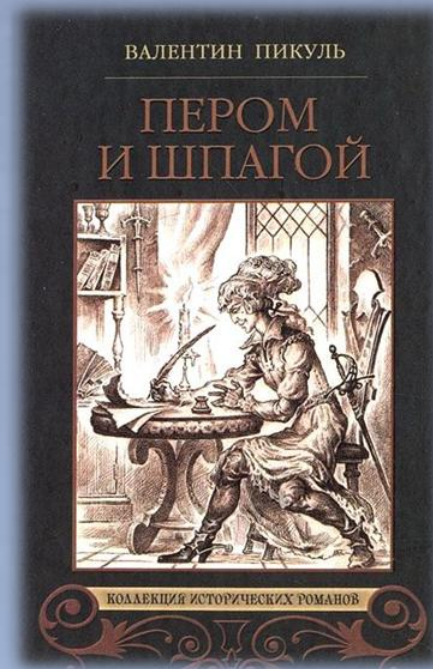
«Я не скажу, что я люблю писать. Я люблю изучать материалы. Вот это мое любимое. Это дает очень много для души. Не может человек жить только профессией, которая его кормит. Он должен заниматься чем-то еще таким, что требует от него большого напряжения души и даже материальных расходов!»

В шестидесятые годы он вдоль и поперек исколесил всю Прибалтику, путешествуя... по страницам своих будущих книг.

«Я объездил всю Курляндию, глазом историка пристально вглядываясь в остатки старинных усадеб, где проходила бурная жизнь «осьмнадцатого» века. Совсем мало следов былой истории пришлось мне увидеть.

Я пытался заглянуть в тот век, но былого, ушедшего времени, не почувствовал».

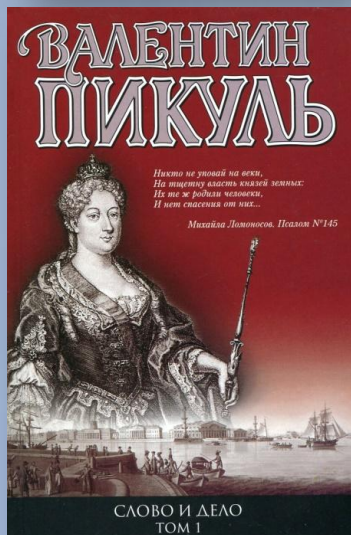

«Судить о русском дворе XVIII века по тем дворцам, что ныне обращены нами в общенародные музеи, — ошибочно и неверно.

Царский двор напоминал тогда бивуак или, вернее, гулящий табор. А придворные — кочевников, скифов! Отсюда и костюм на женщинах был зачастую не женский, а полувойенный; штаны заменяли им юбки.

Статс-дамы в палатках и шалашах подолгу жилали. И у костров грелись. И в казармах рожали. И ландкарты империи фрейлины знали не хуже поручиков геодезии».

Пикуль «Пером и шпагой»

Роман **«Битва железных канцлеров»**, по словам Пикуля, является логическим продолжением романа **«Пером и шпагой»**. Повествование раскрывает единоборство двух политических систем, в котором русскому дипломату Горчакову в качестве достойного антипода противостоит германский канцлер Отто фон Бисмарк. **«Битва железных канцлеров»**, по определению Пикуля, — «политический роман. Без прикрас. Без замысла. Без лирики», роман-хроника о силе русской дипломатии.

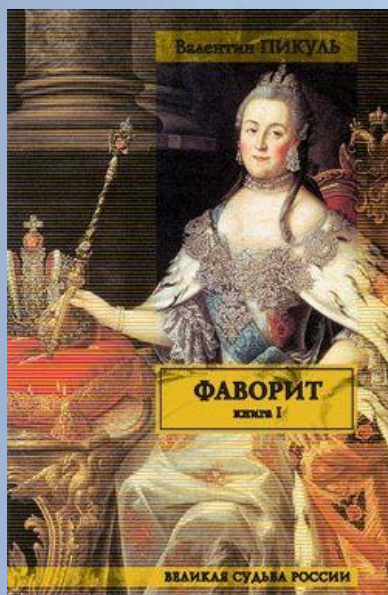
«Слово и дело» — великая книга, потому что в ней весь ужас бироновщины запечатлен с невероятной силой и брезгливостью.

Картина безграмотного и безжалостного тиранства «императрицы претрашного зраку» Анны Иоанновны удалась Пикулю не хуже, чем картина петровского кровавого просвещения Алексею Толстому.

И ведь не сказать, что у него немцы во всем виноваты. Чудовищная жаба Анна — вот самый запоминающийся образ романа; фрейлины, обгрызающие ей ногти на ногах. Такого не выдумаешь.

«На костях стоит великая Русь, на костях стоит – издревле, нерушимо, многострадально. Копни ее заступом возле Пскова иль Ладоги – оскалится череп предка нашего в ухмылке извечной. <...> Какой же век сейчас на Руси? Все равно – какой. Так было во времена Мама, так будет и ныне – в веке осмнадцатом, в веке Вольтера и Ломоносова».

Пикуль был поистине имперским человеком, вкладывающим в гордое понятие ИМПЕРИЯ всё историческое величие нашего государства.

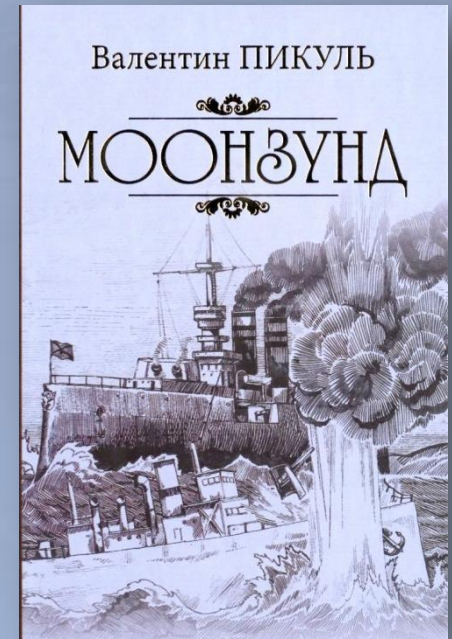
В «Фаворите», следуя принципам хроники, писатель восстанавливает пеструю картину развития России во второй половине XVIII в. В центре повествования два героя — Екатерина II и князь Потемкин. Писатель очень живо и увлекательно изобразил далеко не однозначные характеры героев.

«...я служу России, а потом себе».

В образе Потемкина Пикуля интересовала не только колоритность, незаурядность, необузданность натуры героя, он и его неутомимая деятельность на благо России.

«И поныне, читатель, корабли редко заходят в Моонзунд; ищущим простора и глубины, им нечего делать на этих сумрачных плесах, которые сжаты дюнами осыпающихся в море призрачных островов.

Не знаю, как сейчас, а раньше еще можно было через толщу вод разглядеть смутные очертания кораблей, навеки опочивших в глубине. Смерть застала их здесь, и они доблестно погибли во славу Грядущего - ради нашего дня, читатель...»

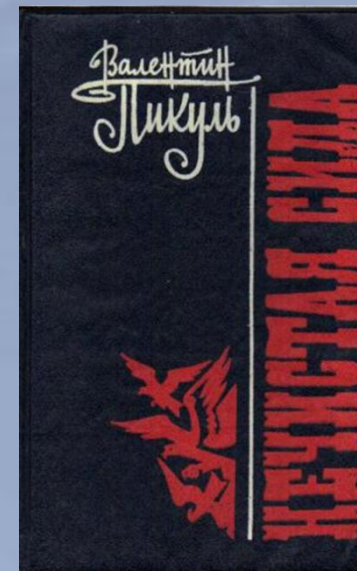

Русско-японская война... Самая горькая и самая славная страница российской истории начала XX века. Самая горькая — потому что Российская империя никогда не знала войны, ведущейся столь нелепо и неумело... Самая славная — потому что офицеры и солдаты, ставшие «скромными героями» этой войны, творили чудеса мужества и отваги...

История этого романа удивительна.

Он был закончен в середине семидесятых, представлен в несколько издательств и в журнал «Наш современник». Все понимали, что печатать его нельзя, но, все-таки напечатали в сильно сокращенном и искаженном виде.

Называлась она «Нечистая сила», в результате её называли «У последней черты».

Эти затрепанные четыре номера журнала «Наш современник» ходили по рукам, потому что было интересно.

Роман обвиняли в открытой проповеди антисемитизма. Но на самом-то деле в нем справедливо увидели предсказание – он рассказывал о вырождении советской верхушки, а главным его героем был Григорий Распутин, которого Пикуль показал неким «шутком у трона», сделав его таким «странным символом хитрости и неубиваемости русского народа».

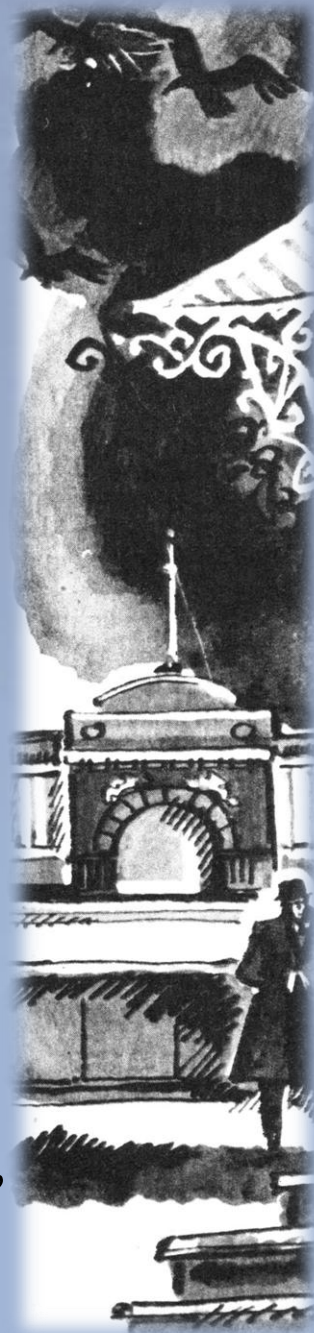
Нужна была невероятная по тем храбрость, чтобы показать власти, что она опять повторяет страшный путь Николая Романова, который привел его в Ипатьевский дом.

На фоне нынешнего масскульта Пикуль — это титан мысли.

Пусть даже он и писал беллетристику, но писал, прекрасно зная историю. У него был опыт внимательного и независимого чтения исторических источников. Что особенно важно — Пикуль работал с фактами, а не с концепциями, и голова его не была с самого начала отравлена истматом-диаматом.

Библиотека Пикуля в Риге, насчитывала 20 тысяч томов, и там были уникальные раритеты. Он перелопатил огромное количество (не меньше, чем Солженицын) архивов, касавшихся 1912–1917 годов, периода мрачайшей реакции.

Он понял, что основа истории, ее главный двигатель — по крайней мере в России, где все убеждения иллюзорны, а материальные факторы традиционно вторичны, — заключается не в борьбе бедных и богатых, левых и правых, а в противостоянии простоты и сложности, системы и энтропии, ума и глупости.

Как и все русские консерваторы, он относился к Столыпину, может быть, слишком восторженно. Но в романе нет никаких иллюзий насчет того, что Столыпин мог спасти положение. Там довольно четко написано, что всё катилось в бездну.

Распутин виделся Пикулю фигурой посреднической; через него низовая Россия напрямую обращалась к властям. И его страшное перерождение Пикуль показал честно и безжалостно. Роман проникнут состраданием и отвращением к Распутину, который элементарно не создавал собственной миссии.

Но Распутин у него вышел невероятно обаятельным. Великий, а в сущности, ничтожный, наивный, удивительно талантливый и удивительно глупый человек, который залетел выше, чем ему полагалось, и погиб.

Ни в одном из своих романов Пикуль не достигал такого эффекта. Никогда у него не получалось такого обаятельного прохвоста.

Наверное, это была одна из причин, по которым книга была запрещена, не вышло отдельное издание при советской власти, а сам Пикуль надолго был лишен публикации.

И поклонники, и критики Валентина Пикуля допускают одну и ту же ошибку, пытаясь оценивать его как историка. Он — не историк, он создатель исторических романов.

Пикуль — увлекательнейший рассказчик. Он популярно рассказывал читателю о тайнах отечественной истории и щедро приправляя свою историческую (весьма точную фактологически) прозу пряными сплетнями и сомнительными анекдотами. История, особенно давняя, выходила у него и сочно, и красочно, и аппетитно, и омерзительно. Валентин Пикуль останется в русской литературе не просто как беллетрист, а как один из великих прозаиков.

«Пожалуй, ни на кого из писателей не навешено столько ярлыков, как на меня. То — патриот, то — черносотенец, то — антисемит, то скрытый сионист, наконец, говорят, что я - монархист, а недавно в печати меня причислили к сталинистам.

Думаю, в вопросе, кто я такой, будут разбираться после моей смерти. А пока что я знаю одно: я — попросту русский человек, которому волею судьбы дана страсть всепоглощающая к русской истории. Вот об этом я и пишу всю свою жизнь...»

«Вот теперь остается только сохранить честь писательского имени. И продолжать трудиться, как я это делал все эти годы. Жена называет меня трудоголиком. Болезни свои я залечиваю за рабочим столом. Может лекарства и помогают, не знаю. Это врачам судить, не мне. Но сам-то я чувствую, что здоров я только потому, что я работаю.

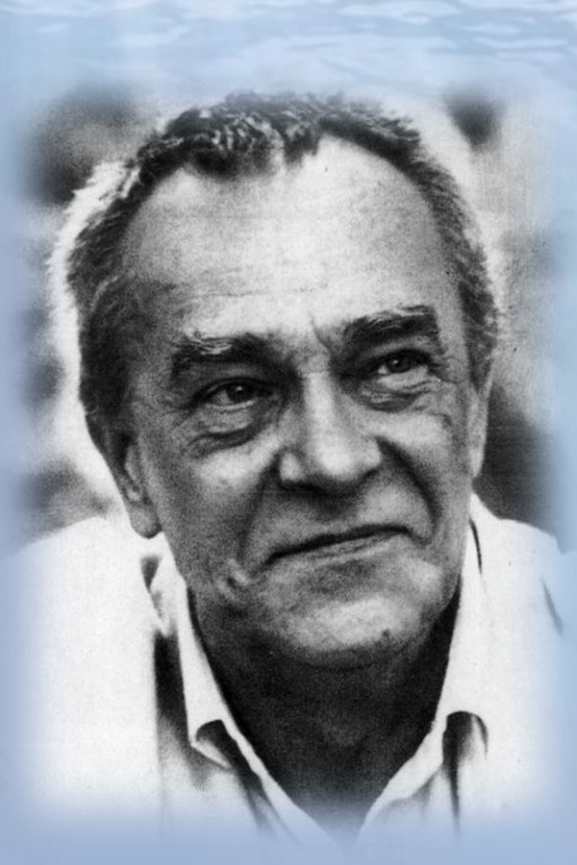
Однажды маршал Бертъе сказал Наполеону: «Ваше величество, остановитесь, хватит». А Наполеон ответил: «Я не могу. Если я остановлюсь, я упаду».

Вот и у меня такое ощущение, если я остановлюсь, я умру. Мне нужно работать. Я буду работать до последнего конца. И, наверное, смерть за писательским столом это будет самая честная и самая лучшая смерть».

Он умер 16 июля 1990 года. Ему было шестьдесят два года.

Валентин Пикун с псом Гришкой, названным в честь Распутина.

A black and white portrait of Valentin Pikul, an elderly man with short, dark hair, looking slightly to the left with a serious expression. He is wearing a light-colored shirt.

**«...Все дух в нем питало: труды мудрецов,
Искусств вдохновенных создання,
Преданья, заветы минувших веков,
Цветущих времен упования;
Мечтою по воле проникнуть он мог
И в нищую хату, и в царский чертог.**

**С природой одною он жизнью дышал:
Ручья разумел лепетанье,
И говор древесных листов понимал,
И чувствовал трав прозябанье;
Была ему звездная книга ясна,
И с ним говорила морская волна...»**

Е. Баратынский

- *Коняев Н.М. «Валентин Пикуль». – М.: Алгоритм, 2007.*
- *Быков Д. «Советская литература. Краткий курс». – М.: ПРОЗАиК, 2012*
- *Валентин Пикуль «Нечистая сила», 1989 год — «Сто лекций Дмитрия Быкова». Выпуск №90*
- *«Писатель-труженик». <http://www.valentin-pikul.ru>*